

УДК 342

DOI 10.52928/2070-1632-2023-63-1-125-132

НАПРАВЛЕНИЕ ГРАЖДАН В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВОЙ ПРОФИЛАКТОРИИ НА ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ЭФФЕКТИВНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ИЛИ НЕПРАВИЛЬНАЯ ПРАКТИКА?

С.С. ОЛЕСЬКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

Указывается на наличие, с точки зрения автора, проблемных вопросов в юридической практике по гражданским делам о направлении граждан в лечебно-трудовой профилакторий. На основе положений Конституции и иных нормативных правовых актов Республики Беларусь, ведущих позиций правовой доктрины выводятся суждения, которыми доказывается ошибочность общего направления национальной судебной практики по делам исследуемой категории и обосновывается необходимость в её дальнейшем совершенствовании. Делается умозаключение о неконституционности положений ранее действовавшего законодательства вследствие учинения ими реальных препятствий на пути реализации прав и свобод личности как высших конституционных ценностей. Подчёркивается особая роль Конституционного Суда Республики Беларусь в охране и защите последних. Обнаруживаются проблемы и приводятся их следствия, вызванные неправильным толкованием и применением правовых норм, юридическими коллизиями и неполнотой правового регулирования. Предлагаются внесение в законодательство поправок, корректирование правоприменительной практики по рассматриваемым делам.

Ключевые слова: профилактика, лечебно-трудовой профилакторий, конституция, права и свободы, конституционные ценности, орган конституционного контроля, суд.

Введение. На современном этапе развития системы профилактики правонарушений как одного из важнейших функциональных направлений деятельности и связующего звена в правоохранительной системе цивилизованного государства меры её осуществления требуют совершенствования. В общем и целом, любая профилактическая работа построена по принципу, наиболее отчётливо вырисованному известной всем пословицей: «предупреждён – значит вооружён». Однако это – лишь общее правило. Иногда для достижения должного по эффективности профилактического воздействия не обойтись и без применения мер принудительного характера. В первую очередь такая необходимость возникает тогда, когда меры убеждения по каким-то причинам не срабатывают. Это достаточно хорошо видно на примере систематических правонарушений, совершаемых вопреки проводимой со стороны специально уполномоченных структур профилактической работе по правовому просвещению, выражающейся в разъяснении правонарушителю законодательства, в т.ч. юридических последствий его нарушения. В рассматриваемом случае эта работа в утилитарном смысле оказывается безрезультативной, а поэтому и не позволяет достигнуть целей частной и общей профилактики – избежать совершения правонарушений тем же лицом и другими по его подобию. Как бы то ни было, необходимо иметь ввиду, что применение принудительных мер – пограничная ситуация между эффективностью профилактики, с одной стороны, и конституционностью возлагаемых правоограничений в целях её достижения – с другой. Обусловлено это тем, что одновременно осуществляется защита и стеснение реализации множества конституционных ценностей, прежде всего, прав и свобод личности. Поэтому поступать правомерно в целях эффективности профилактики недопустимо.

Сегодня средства «*принудительной профилактики*» находят активное применение в Республике Беларусь. Одним из наиболее действенных среди них считается **направление граждан в лечебно-трудовой профилакторий** (далее – ЛТП) *в целях их принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации с условием обязательного привлечения к труду*. В ЛТП могут быть направлены категории граждан: 1) больные хроническим алкоголизмом, наркоманией или (и) токсикоманией; 2) обязанные возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении; 3) трудоспособные неработающие, ведущие асоциальный образ жизни. Из указанного следует, что цели направления граждан в ЛТП соответствуют целям профилактики правонарушений, о чём свидетельствуют:

– во-первых, изоляция лица от общества, которая не связана с его желанием (т.е. в интересах самого лица, что необходимо для его более успешной медико-социальной реадaptации, и общества, избавляемого от потенциального источника угрозы, а в тех случаях, когда речь идёт о возмещении лицом государственных расходов на содержание его детей, – и государства);

– во-вторых, медико-социальная реадaptация лица, направленная на преодоление им алкогольной, наркотической или (и) токсической зависимости, формирование у него готовности к адаптации в обществе (медицинская и психологическая помощь, труд, дисциплина и пр.).

Как показывает практика, в преобладающем большинстве случаев определённые цели профилактического воздействия при направлении граждан в ЛТП достигаются: уменьшение количества совершаемых правонарушений, прежде всего, в состоянии алкогольного опьянения, снижение уровня алкоголизации населения, возмещение государству расходов на содержание детей и др. В то же время указанная мера существенным образом стесняет реализацию основных прав и свобод граждан, направленных в ЛТП, ввиду чего в условиях стремительного развития конституционализма особо острым становится вопрос, связанный с конституционностью её применения.

Основная часть. Основные аспекты, связанные с подготовкой соответствующих материалов, а также непосредственно направлением и нахождением граждан в ЛТП, регламентированы Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них»¹ (далее – Закон № 104-З). Практика применения судами общей юрисдикции Закона № 104-З в целом сформировалась единообразная. Основные и, пожалуй, наиболее серьезные проблемы при его применении обнаружились много позже – после 30.12.2020. Указанная дата связывается со вступлением в силу Закона Республики Беларусь от 10 декабря 2020 г. № 70-З «Об изменении Закона Республики Беларусь «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них»» (далее – Закон № 70-З)². Рассмотрим ряд таких проблемных вопросов.

В частности, Законом № 70-З в Закон № 104-З внесены поправки, согласно которым, в случае направления гражданина в ЛТП в третий и более раз, он может быть направлен туда судом на срок 24 месяца (до 30.12.2020 срок ограничивался исключительно 12 месяцами). Прежде всего проблемы были связаны с неоднозначной интерпретацией выше названного положения, таким образом, что органы внутренних дел при подготовке соответствующих материалов могли просить суд, а тот, в свою очередь, по результатам рассмотрения дела – принять решение о направлении гражданина в ЛТП на 12- или 24-месячный срок по своему усмотрению, независимо от того, направлялся ли данный гражданин туда ранее и какое количество раз. Спустя год правоприменительная практика была стабилизирована и приведена к единообразию, а именно: рассматриваемую норму права начали расценивать как *императивную по методу правового регулирования и регулятивную обязывающую по характеру содержания* в ней *правового предписания*. С учётом указанных общеправовых теоретических аспектов судебная практика пошла по тому пути, что, при наличии на то необходимых оснований, гражданин безальтернативно направляется в ЛТП на 24-месячный срок, т.е. без возможности его снижения до 12 месяцев.

С нашей точки зрения, указанная позиция не позволяет суду при принятии решения по делу реально учитывать обстоятельства в полной мере, вследствие чего представляется неправильной. Дело в том, что фактически судом разрешается лишь один вопрос, поставленный перед ним, – подлежит ли в принципе гражданин направлению в ЛТП? Вопрос же о сроке его направления в ведении суда не находится, ввиду чего им не разрешается. Получается патовая по своей сути ситуация, которая состоит в следующем.

С одной стороны, при наличии формальных оснований для направления гражданина в ЛТП на 24-месячный срок, такое направление может являться преждевременным исходя из характеристики личности рассматриваемого лица и обстоятельств, отражённых в материалах дела (самостоятельного прохождения гражданином лечения от заболевания, периода его ремиссии, времени, прошедшего с момента предыдущего направления в ЛТП, характера совершённых правонарушений и т.д.). С учётом изложенного, гражданину справедливым было бы направить в ЛТП на срок 12 месяцев. Однако суд не может принять такого решения, поскольку должен или удовлетворить, или отклонить заявление органа внутренних дел о направлении гражданина в ЛТП именно на 24-месячный срок. Представляется, что за счёт не всегда оправданного направления гражданина в ЛТП на срок 24 месяца цели профилактики в полной мере не достигаются, поскольку её эффективность снижается.

С другой стороны, в случае, когда органы внутренних дел просили направить гражданина в ЛТП на 12-месячный срок, при этом имелись реальные основания для его направления на 24-месячный срок суд исходя из императивного обязывающего характера предписания нормы права о сроке направления в ЛТП должен выходить за пределы заявленного требования и направлять гражданина в ЛТП на срок 24 месяца, что не соотносится с положениями гражданского процессуального закона. В частности, в ст. 273 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) закреплено, что суд рассматривает дело лишь *в пределах заявленного искового требования*; в соответствующих случаях судья обязан разъяснить истцу право заявить дополнительные требования; проводить в отношении незаявленного требования судебное разбирательство по собственной инициативе он может *только в случаях, прямо предусмотренных ГПК и другими актами законодательства*. Исключения из общего правила предусмотрены, например, стст. 167 и 170 Гражданского кодекса Республики Беларусь, стст. 36, 77 и 79 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье. Таким образом, суд – подчёркивает В.Г. Тихиня – не вправе выйти за пределы заявленных требований по своей инициативе [1, с. 262]. Это правило распространяется и на дела особого производства, к которым также относится категория дел о направлении граждан в ЛТП (ч. 1 ст. 362 ГПК). Однако рассматриваемый случай не является тем, когда суд может проводить судебное разбирательство в отношении незаявленного требования по собственной инициативе, поскольку это не предусмотрено законодательством. В административной сфере, под которую подпадает и рассматриваемая категория дел, действует правило, в соответствии с которым *разрешено всё, что прямо предусмотрено, а не то, что не запрещено*.

Проблема и в том, что при изложенных обстоятельствах утрачиваются суть и бремя доказывания материально-правового требования по делу, характерные гражданскому процессу. Именно, в ч. 1 ст. 179 ГПК бремя доказывания по делу законодателем распределено таким образом, что «каждая сторона доказывает факты, на которые ссылается как на основание своих требований или возражений». Между тем в действительности получается так, что реальное доказывание срока, на который с позиции органа внутренних дел гражданина следует

¹ URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/86985/98776/F756739582/BLR86985.pdf>.

² URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12000070>.

направить в ЛТП, не происходит. Таким образом, с органа внутренних дел такое бремя негласно снимается. Однако анализ положений Закона № 104-3 позволяет обнаружить коллизию между требованиями закона и изложенным положением дел, которая состоит в следующем. Законом № 70-3 в ст. 7 Закона № 104-3 внесено дополнение о том, что при направлении гражданина в ЛТП в третий и более раз к соответствующему заявлению, помимо прочих документов, органом внутренних дел дополнительно прилагаются копии ранее вынесенных судебных решений о направлении этого гражданина в ЛТП. С нашей точки зрения, законодатель тем самым, во-первых, определил конкретный источник доказательств для подтверждения фактов предыдущих направлений гражданина в ЛТП – судебное решение, во-вторых, возложил обязанность по доказыванию названного выше обстоятельства непосредственно на заявителя – орган внутренних дел.

Исходя из приведенных процессуальных аспектов, можно сделать вывод об имеющейся сегодня правовой неопределённости и ошибочности правоприменительной практики в обсужденной части.

Обращаясь к предмету исследования, в очередной раз акцентируем принципиальное внимание на том, что рассматриваемая категория гражданских дел обладает *административным характером* вследствие применения к лицу, направленному в ЛТП, определённых правоограничительных мер. Так, в абз. 5 и 6 ч. 1 ст. 1 Закона № 104-3 термины «*принудительная изоляция*» и «*медико-социальная реадаптация*» определены как **меры ограничительного характера**, осуществляемые в отношении граждан, находящихся в ЛТП. Представляется, что такие меры существенным образом стесняют реализацию прав и свобод человека, которые в ч. 2 ст. 2 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция, Основной Закон) провозглашаются *высшими конституционными ценностями*. По этой причине применение мер ограничительного характера должно иметь принципиальный подход и носить, как справедливо отмечается А.Н. Пугачёвым, исключительный характер [2, с. 221].

В Основном Законе декларировано множество конституционных ценностей, из числа которых направлением граждан в ЛТП стесняется осуществление прежде всего прав личности на свободное передвижение и труд (стст. 30 и 41). Добавим резкости, подняв вопрос о конституционности положений Закона № 104-3, которые предусматривают обязательное привлечение граждан к труду. Дело в том, что они явно коллизировали с ч. 4 ст. 41 Конституции (до внесения в неё изменений и дополнений по результатам республиканского референдума 27 февраля 2022 года), согласно которой «*принудительный труд запрещается, кроме работы или службы, определяемой приговором суда* или в соответствии с законом о чрезвычайном и военном положении». Следует признать, что эта «формулировка в сочетании с другими нормами Конституции означает и право не заниматься трудовой деятельностью: незанятость не может служить основанием для привлечения гражданина к какой-либо юридической ответственности» [3, с. 153].

В тех или иных схожих по сути формулировках запрет на принудительный труд встречается во многих конституциях государств ближнего и дальнего зарубежья. Например, данный общепризнанный принцип международного права в сфере труда нашёл воплощение в преобладающем большинстве ныне действующих конституций государств Евразийского экономического союза, где исключение составил лишь Кыргызстан [4, с. 154–171]. Рассмотрим несколько примеров подобных формулировок. Конституции Российской Федерации и Республики Армения в этом довольно-таки лаконичны и просто констатируют запрет на принудительный труд. Во многом по принципу изложения отличается от них Конституция Республики Казахстан, в п. 1 ст. 24 которой перечислены конкретные исключительные случаи, при которых использование принудительного труда допустимо: только по приговору суда либо в условиях чрезвычайного или военного положения [5, с. 279–280]. Конституция Республики Беларусь фактически совместила в единый образ оба этих подхода.

При рассмотрении вопроса, связанного с применением принудительного труда, нельзя обойти и основные исторические аспекты формирования данного института конституционного права в странах постсоветского пространства, к которым относится и Беларусь. Это особенно важно в целях должного понимания причин и следствий нынешнего положения дел. В исторической ретроспекции внимание следует обратить в первую очередь на то, что для первых советских конституций было имманентно рассмотрение труда сквозь призму обязанности (ст. 12 Конституции ССРБ 1919 года, ст. 7 Конституции БССР 1927 года) [6; 7]. В ССРБ вслед за РСФСР провозглашался лозунг: «Не трудящийся да не ест». Начиная с Конституции БССР 1937 года, разработанной по образу и подобию сталинской Конституции СССР 1936 года, данный уклон с едва ли заметной скоростью начал плавно меняться в сторону права на труд (ст. 12) [8]. Новый лозунг звучал несколько иначе: «Кто не работает, тот не ест». Необходимо отметить, что порой даже сегодня можно слышать буквальный отголосок этой идеологической речёвки. В последующем произведена рокировка названной обязанности с правом на труд, что нашло отражение в Конституции БССР 1978 года (ст. 14) [9; 10, с. 138]. Правда, здесь важно сделать одну оговорку. Несмотря на то, что *de jure* провозглашалось право на труд, *de facto* правовая доктрина указанного периода доказывала, что праву на труд «соответствует обязанность <...> трудиться по способности»³ [11, с. 8]. Нельзя не отметить ошибочность такого подхода, поскольку праву одного лица должна корреспондировать обязанность другого (но и здесь имеются исключения: классический тому пример – перетекающие друг в друга права и обязанности родителей воспитывать и содержать своих детей).

Возвращаясь к вопросу об изложении формулировки ч. 4 ст. 41 Основного Закона, запрещающей принудительный труд, отметим, что рассматриваемое положение называло конкретную разновидность правопримени-

³ Трудовое право. Энцикл. словарь. / Редкол.: А. И. Денисов (гл. ред.). – 2-е изд. – М.: Сов. Энцикл., 1963. – С. 349.

тельного судебного акта – **приговор**, исключительно на основании которого допускалось привлечение лиц к принудительному труду и могло быть ограничено их конституционное право на труд. Однако суды общей юрисдикции выносили постановления в виде *решения* о направлении граждан в ЛТП. Представляется, что указание в конституционном тексте, где преимущественно сосредоточены положения относительно общего порядка, акта правоприменительного характера конкретного вида (**и единственного**), ограничивающего конституционное право на труд, безоговорочно свидетельствовало о повышенной значимости и охране этой конституционной ценности, её защите от произвола. На это указывало также то, что приговор суда как основание ограничения права на труд ставился в один ряд с законами о военном и чрезвычайном положениях. Следовательно, ограничение названного права на основании судебного решения, полагаем, являлось недопустимым.

На сегодняшний день положение ч. 4 ст. 41 Конституции изложено в расширенном варианте, в частности: «принудительный труд запрещается, кроме работы или службы **на основании судебного постановления** либо в соответствии с законами о чрезвычайном и военном положениях». Таким образом была решена проблема. Видится, что корректированием Конституции государство фактически признало это; однако парадоксально, что для граждан, направленных в ЛТП, юридических последствий того или иного рода, включая восстановление нарушенных прав и свобод, это не повлекло. В данном и подобных ему случаях приходится вести речь о феномене **«принцип умалчивания в праве»**, который заключается в занятии государством позиции избегания юридической ответственности за допущенные неправомерные стеснения прав и свобод личности.

Важная роль в охране и защите конституционных ценностей отведена органу конституционного правосудия. В соответствии с ч. 1 ст. 116 Конституции (до внесения в неё изменений и дополнений), контроль за конституционностью нормативных актов в государстве осуществляется непосредственно Конституционным Судом. В частности, из существа положений ч. 3 ст. 7 и ч. 5 ст. 116 той же Конституции следовало, что нормативные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими Конституции или, говоря иначе, неконституционными, не имеют юридической силы и утрачивают её в порядке, определяемом законом. В конце декабря 2009 года Законом № 104-3 пройден обязательный предварительный судебный конституционный контроль. По результатам проверки Конституционный Суд в решении от 24.12.2009 № Р-420/2009, именованном соответствующим образом, признал положения в части обязательного привлечения граждан к труду соответствующими ст. 23 Конституции, которая определяет основания ограничения прав и свобод личности⁴. Однако из решения не следует, давалась ли правовая оценка данным положениям с учётом наличия и сути запрета, предусмотренного ч. 4 ст. 41 Основного Закона. В последующем положения законов об обязательном привлечении граждан к труду, которыми внесены соответствующие коррективы в Закон № 104-3, признаны соответствующими Конституции.

Ранее Конституционный Суд выражал принципиальную позицию по схожему вопросу. Так, на основании заключения от 27.10.1995 № 3-18/95 «О соответствии Конституции и законам Республики Беларусь Указа Президента Республики Беларусь от 1 сентября 1995 года № 350 «О некоторых вопросах регулирования трудовой деятельности и пенсионного обеспечения граждан»» были признаны неконституционными положения п. 1 названного Указа в той части, которая содержала предписание об обязательном заключении контракта с лицами, подпадающими под его действие⁵. Обоснованным по данному поводу представляется замечание Г.А. Василевича, который пишет о том, что «даже при отсутствии решения Конституционного Суда <...> *все субъекты правоотношений без исключения* (когда они полагают, что есть противоречие между Конституцией и иным актом) обязаны руководствоваться нормами Основного Закона. Однако здесь следует действовать весьма осторожно, чтобы не ошибиться и не нарушить закон или иной акт, полагая, что они противоречат Конституции. Решения Конституционного Суда снимают какие-либо сомнения на этот счёт» [5, с. 205] (курсив наш – С.О.).

В настоящее время ч. 1 ст. 116 Основного Закона сформулирована таким образом, что цели судебного конституционного контроля нормативных правовых актов, осуществляемого посредством конституционного судопроизводства, определены ясно и чётко:

- защита конституционного строя государства;
- защита прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией;
- обеспечение верховенства Конституции;
- обеспечение прямого действия Конституции на государственной территории.

Положение ч. 3 ст. 7 Основного Закона сохранилось в первоизданном виде, в частности «правовые акты или их отдельные положения, признанные в установленном законом порядке противоречащими положениям Конституции, не имеют юридической силы».

Таким образом, одной из целей судебного конституционного контроля нормативных правовых актов является защита (т.е. *активная позиция*) конституционных ценностей посредством признания противоположений актов неконституционными с последствием утраты ими юридической силы. Роль и значение конституционного правосудия ярко иллюстрирует признание факта неконституционности, что презюмирует **онулирование правовых норм и отношений, возникших на их основании, которые препятствовали реализации конституционных ценностей**. Конечная же цель конституционного правосудия находится много дальше и зиждется на последующем восстановлении нормального или, иначе говоря, обычного режима реализации конституционных ценностей.

⁴ URL: <http://www.kc.gov.by/document-17783>.

⁵ URL: <http://www.kc.gov.by/document-11723>.

Вследствие изложенных причин и обстоятельств, решения судов общей юрисдикции, которые вынесены вопреки запрету ч. 4 ст. 41 Основного Закона (до её корректирования), полагаем, необходимо считать не имеющими юридической силы по критерию ненадлежащей формы правоприменительного акта.

В силу требования ч. 1 ст. 112 Конституции, не только Конституционный Суд, но и суды общей юрисдикции «осуществляют правосудие на основании Конституции и принятых в соответствии с ней иных нормативных правовых актов». Этим снимаются сомнения на счёт спора о прямом действии Конституции, поскольку Конституционным Судом положения Основного Закона всегда применялись непосредственно, что чётко прослеживается в его итоговых актах. Данное требование касается и общих судов. На практике же это скорее редчайшее исключение, нежели общеприменимое правило. Думается, по этой причине норма ч. 2 ст. 112 Конституции является «мёртвой». Из неё, в частности, следует, что если при рассмотрении конкретного дела у суда возникнут сомнения на счёт конституционности нормативного правового акта, который подлежит применению, до вынесения постановления он должен поставить перед Конституционным Судом в установленном законом порядке вопрос о проверке такого акта на предмет конституционности. Несмотря на обширную практику применения Закона № 104-3, рассмотрение вопроса о проверке конституционности его положений судами общей юрисдикции не инициировалось. Покажем на конкретных цифрах.

Так, в 2020 году судами общей юрисдикции было рассмотрено 4 838 гражданских дел о помещении граждан в ЛТП, из числа которых по 4 494 – требование удовлетворено⁶. Напомним, что Закон № 70-3, благодаря которому стало возможным направление граждан в ЛТП на 24-месячный срок, вступил в силу 30.12.2020, в связи с чем указанное положение начало применяться судами с начала 2021 года. Начиная с этого времени, в судебную статистику по делам о направлении граждан в ЛТП включаются дела о продлении и сокращении срока нахождения в нём. В частности, в 2021 году общими судами рассмотрено 7 322 таких дела, по которым вынесено 6 925 решений удовлетворительного характера, в т.ч. в первом полугодии – 3 533 дела и 3 332 решения соответственно⁷. Данные решения судами вынесены до внесения решением республиканского референдума 27 февраля 2022 года от 04.03.2022 корректив в ч. 4 ст. 41 Конституции, которые связаны с расширением видового разнообразия судебных правоприменительных актов: с приговора на постановление, вобравшее в всю совокупность итоговых актов такого рода⁸. За два года судами вынесено **11 419 решений** о направлении граждан в ЛТП, а также продлении и сокращении срока нахождения в нём, связанных с первоначальным решением. Для сравнения, по состоянию на 01.01.2022 по данным переписи населения в Россонском районе Витебской области как самом малонаселённом регионе среди районов Республики Беларусь числилось лишь 8 730 человек постоянного населения, в т.ч. 4 670 – в районном центре г.п. Россоны⁹. В первом полугодии 2022 года общими судами рассмотрено 4 963 дела, по 4 787 – заявление удовлетворено¹⁰. Таким образом, среднегодовой уровень удовлетворяемости требований рассматриваемой категории составил 94%.

Это не все проблемы, связанные с реализацией положений Закона № 104-3. В целях обеспечения эффективной охраны и защиты конституционных ценностей, в т.ч. от их произвольного ущемления, ч. 1 ст. 23 Основного Закона предусмотрены чёткие условия ограничения реализации прав и свобод личности как высших конституционных ценностей. В частности, такое ограничение допускается при одновременном соблюдении следующих условий: только в случаях, предусмотренных законом; в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. А.Н. Пугачёв оправдано полагает, что пределы ограничения прав и свобод личности определены целями, обусловленными реальной (объективной) необходимостью «защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [2, с. 221]. Наиболее полно указанное конституционное положение реализуется с требованием ч. 5 ст. 104 Конституции о том, что «закон не имеет обратной силы, за исключением случаев, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан». Буквальное толкование цитированной нормы позволяет прийти к выводу о том, что, по общему правилу, закон, какой бы разновидности он ни был и какие бы общественные отношения он не регулировал, обратной силы не имеет. Данное правило подтверждается единственным исключением, именно: обратную силу закон имеет лишь тогда, когда он смягчает или отменяет ответственность граждан, т.е. любым возможным образом улучшает их правовое положение, обусловленное потенциальным наступлением того или иного вида юридической ответственности.

По нашему мнению, положение ч. 5 ст. 104 Основного Закона сформулировано таким образом, что это не позволяет применять меры ограничительного характера в ретроспективном порядке. Таким образом, закономерно, что указанные меры могут применяться к текущим общественным отношениям исключительно в перспективном порядке.

Возвращаясь к вопросу о судебной практике по гражданским делам о направлении граждан в ЛТП, отметим, что факты направления гражданина в ЛТП, имевшие место до вступления Закона № 70-3 в силу, в настоящее время учитываются судом при решении вопроса о направлении в ЛТП на срок 24 месяца. Думается, что данная практика

⁶ URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/95f97011a1cc4ba2.html.

⁷ URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/baa6161e8d3941a1.html; https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/d71debdec4e4496.html.

⁸ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02200001>.

⁹ URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_46932.

¹⁰ URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/e68fb9f933c547f0.html.

ошибочка, поскольку фактически суд распространяет действие положения Закона № 70-3 о возможности направления граждан в ЛТП на срок 24 месяца, которое не улучшает правовое положение подобных граждан, на общественные отношения, возникшие ещё до его вступления в силу. Подобная практика требует корректив. Справедливой на этот счёт видится позиция Г.А. Василевича о том, что нынешняя белорусская правоприменительная «практика сложилась таким образом, что, не учитывая возможность прямого действия норм Конституции и правовых позиций Конституционного Суда, изложенных в его решениях, суды общей юрисдикции зачастую допускают применение действующих норм, в которых присутствуют пробелы, коллизии либо правовая неопределённость» [12, с. 233].

Примером правовой неопределённости, в связи с которой в настоящее время сформировалась неоднозначная судебная правоприменительная практика, является следующее. В абз. 3 ч. 1 ст. 4 Закона № 104-3 закреплено положение о том, что, помимо прочих, в ЛТП могут быть направлены те граждане, которые обязаны возмещать расходы, затраченные государством на содержание «детей, находящихся на государственном обеспечении». Интерпретация и применение приведенной цитаты вызывают обоснованные вопросы. Буквальная трактовка позволяет сделать однозначный вывод: необходимым условием для направления граждан в ЛТП в рассматриваемом случае является то обстоятельство, что на момент рассмотрения дела дети фактически находятся (речь идёт именно о настоящем времени) на государственном обеспечении. Выходит, что в случае, когда к моменту судебного рассмотрения дела расходы, понесённые государством на содержание детей, полностью не возмещены, при этом также отсутствует фактическое нахождение детей на государственном обеспечении, правового основания для направления названных граждан в ЛТП не имеется. Правильность данного вывода подтверждается и формулировкой диспозиции ч. 2 ст. 174 Уголовного кодекса Республики Беларусь, при изложении которой законодателем использован дифференцированный подход, который выразился в определении альтернативных вариантов объективной стороны преступления: уклонение родителей от возмещения расходов, затраченных государством на содержание «детей, находящихся или находившихся на государственном обеспечении». При разработке Закона № 104-3 законодатель не прибегнул к аналогичному подходу, что оправданно, учитывая объём и характер правоограничений, возлагаемых на лиц, находящихся в ЛТП. Несмотря на это, в практике сложилось иное понимание положения абз. 3 ч. 1 ст. 4 Закона № 104-3, которое толкуется не буквально, а расширительно. Вследствие изложенного, при решении вопроса о направлении в ЛТП должного значения не придаётся тому обстоятельству, находится ли сейчас ребёнок на государственном обеспечении. Данное обстоятельство упускается из виду, что влечёт неправомерное направление граждан в ЛТП и ущемление их прав и свобод. Полагаем, что расширительное толкование здесь недопустимо, и в подобных случаях такие граждане могут быть направлены в ЛТП лишь по иным основаниям, предусмотренным Законом № 104-3.

Проблема и в том, что в законодательстве не предусмотрено сроков, определяющих временной промежуток, за который должны приниматься во внимание факты направления гражданина в ЛТП. Закономерно, это привело к абсурдной ситуации, когда учитываются даже факты 10- и более летней давности. В то же время централизованного учёта таких фактов не имеется, что затрудняет доказывание и ведёт к принятию неправомерных решений, а также их последующей отмене.

Ошибочность этого подхода легко доказывается, если провести параллель между направлением граждан в ЛТП, с одной стороны, и их привлечением к административной и уголовной ответственности – с другой. Для последнего необходимым условием, как правило, признаётся истечение сроков привлечения к ответственности, предусмотренных законом об административной ответственности и уголовным законом, и сроков, в течение которых гражданин считается имеющим «административную» и уголовную судимость. Вместе с тем в случае с направлением граждан в ЛТП на срок 24 месяца срока давности законодательством не предусмотрено, что не является правильным, поскольку существенным образом ущемляет права и свободы этих граждан. Ведь получается, что гражданин, который дважды и более раз направлялся в ЛТП, никогда (образно говоря) не может рассчитывать на его направление в ЛТП на 12-месячный срок, поскольку он имеет на то лишь моральное право, но не имеет юридического. Такое положение дел связано с очевидной несправедливостью в правовом регулировании, что, в свою очередь, не соответствует основополагающему *принципу справедливости*, прежде всего социальной, выступающему краеугольным камнем современного права.

По данному поводу солидарность выражает В.К. Бабаев, который рассматривает справедливость в ракурсе краеугольного камня правового здания ввиду того, что этот генеральный принцип находит развитие в других общеправовых принципах, действующих во всех отраслях права без исключения [13, с. 128–131]. Размышляя над указанным принципом в правовом ключе, М.И. Марченко пришёл к выводу о том, что справедливость заключается в двух аспектах: равном юридическом масштабе поведения, с одной стороны, и соразмерности юридической ответственности правонарушению – с другой [14, с. 24–25]. И здесь, видится, уместно вспомнить высказывание И. Канта о том, что юристы всё ищут, но никак не могут найти формулу права. То же самое относится и к принципу справедливости. Однако, полагаем, изыскать эту формулу всё-таки можно, если рассматривать справедливость сквозь призму ценностей. Как пишет А.В. Малько, в принципах права, включая общеправовой принцип справедливости, должны отражаться основные ценности, на которые ориентируется право [15, с. 111–112]. Именно поэтому – доказывает Д.В. Щербик – «понимание принципа общесоциальной справедливости <...> изменялось на различных этапах развития права, <...> различные подходы к пониманию справедливости с очевидностью определяют отличие феодальной справедливости от современной. <...> общие представления о необходимости *эквивалентности как основы справедливости* лежат в основе каждого исторического типа права» [16, с. 116]. Но, справедливости ради, необходимо сказать также о том, что, независимо от эпохи, «правильно устроенное государство и мудрые правители прилагали все усилия к тому, чтобы не доводить до крайности <...>

и жить с народом в мире и согласии» [17, с. 65]. Так, например, в эпоху средневековья – заключал Н. Макиавелли – для этих целей было «достаточно воздерживаться от посягательств на имущество своих подданных и сограждан и на их женщин» [17, с. 59].

Мы находимся в эпохе конституционализма, основанного на концепции естественного права, признающей свободу естественным условием существования каждого из нас. Естественнo-правовая концепция находит воплощение во многих конституциях, включая белорусскую. «И хотя в Основном Законе Беларуси нет нормативных формулировок о естественном характере прав индивида, такое качество за правами человека признаётся» [18, с. 182; 19, с. 103] – обращают внимание А.Н. Пугачёв и Г.А. Василевич. Неспроста В.Н. Скобелкин признал право на труд естественным, присущим человеку нашего времени, ведь оно делает возможным существование всех остальных социально-экономических прав [20, с. 5]. И конституции в этом плане выступают в качестве крепости естественных прав и свобод, их оплота. Ввиду этого, при решении вопроса о сроке направления граждан в ЛТП не только юридически обоснованным и грамотным, но и социально справедливым является принятие во внимание только тех фактов предыдущего направления гражданина в ЛТП, которые имели место с момента вступления Закона № 70-З в силу, именно, начиная с 30.12.2020. Кроме того, в Закон № 104-З необходимо внести изменения и дополнения, определив срок давности, в течение которого такие факты могут учитываться при решении вопроса о сроке направления в ЛТП. Думается, в целом такой срок не должен превышать 10 лет, что с достаточностью предоставляет гражданину возможность исправиться, давая ему шанс на «реабилитацию».

В общем и целом, говоря о реализации таких конституционных ценностей, как права и свободы граждан, находящихся в ЛТП, сделаем важную ремарку. В условиях цифровизации современной жизни при помещении в ЛТП, помимо прочих, также стесняется реализация прав и свобод, осуществляемых гражданами в виртуальной среде. В абз. 2 ч. 1 ст. 18 Закона № 104-З указано, что граждане обязаны соблюдать режим пребывания в ЛТП в соответствии с Правилами внутреннего распорядка лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел, утверждёнными постановлением указанного министерства от 25.03.2021 № 86, (далее – Правила). Из подп. 29.14 п. 29 и п. 153 Правил явствует, что начальник ЛТП устанавливает обязательный к соблюдению гражданами порядок осуществления ими телефонных разговоров; разговоры с собственных аппаратов сотовой подвижной электросвязи осуществляются с предварительной подачей начальнику ЛТП заявления и самого аппарата с SIM-картой, не имеющего выхода в глобальную компьютерную сеть Интернет. В силу подп. 30.32 п. 30 Правил гражданам запрещено пользоваться ресурсами глобальной компьютерной сети Интернет без разрешения сотрудников ЛТП. Таким образом, в случае неправомерного направления граждан в ЛТП ущемляются также их цифровые права и свободы.

Заключение. Подводя исследование к логическому завершению, необходимо акцентировать внимание на значимости общественных отношений, регламентируемых Законом № 104-З, а также серьёзности тех правоограничений, которые возлагаются им на граждан, направленных в ЛТП. Значимость правовых отношений указанной категории обусловлена доступностью и эффективностью мер принудительного характера, применяемых к гражданам, направленным в ЛТП в целях профилактики правонарушений. Одновременно с этим, применением таких мер существенным образом стесняется реализация высших конституционных ценностей – прав и свобод граждан, направленных в ЛТП. Вследствие изложенного, должен соблюдаться оптимальный баланс конституционных ценностей, защищаемых и ущемляемых при осуществлении профилактики правонарушений.

Настоящее исследование проиллюстрировало ряд острых вопросов и проблем, с которыми на сегодняшний день сталкивается правоприменительная практика по гражданским делам о направлении граждан в ЛТП. Правовые неопределённости, пробелы и коллизии, которые обнаружены в правовом регулировании рассматриваемой категории общественных отношений, указывают на необходимость его дальнейшего совершенствования и выработки единых подходов в его применении.

В этих целях видится необходимым внести ряд поправок в Закон № 104-З. Именно, необходимо предусмотреть срок давности, в течение которого факты предыдущего направления гражданина в ЛТП имеют юридические последствия, не превышающий 10 лет. Следует скорректировать практику применения Закона № 104-З таким образом, что суд может направить гражданина в ЛТП на срок 12 месяцев даже при наличии формальных оснований для его направления на 24-месячный срок, если обстоятельства дела указывают на преждевременность такого направления. Что касается фактов направления граждан в ЛТП, имевших место до внесения корректив в Конституцию согласно решению республиканского референдума от 04.03.2022, соответствующие решения судов общей юрисдикции, вынесенные до вступления конституционных поправок в силу, необходимо считать неправомерными, онулировав эти факты с последствием утраты юридической силы. Видится возможным инициировать перед Конституционным Судом рассмотрение положений Закона № 104-З и законов, которыми в него внесены изменения и дополнения, об обязательном труде на предмет конституционности. Коррекции подлежит практика применения положений Закона № 104-З о направлении в ЛТП граждан, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание их детей, которые надлежит применять исключительно в буквальном смысле, не допуская их расширительного толкования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихиня В.Г. Гражданский процесс: учеб. – 2-е изд., перераб. – Минск: ТетраСистемс, 2013. – 496 с.

2. Пугачёв А.Н., Вегера И.В.. Конституционное право: учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение». В 3 ч. – Ч. 2: Основы конституционного строя и правового статуса личности. В 2 кн. – Кн. 2: Рекомендации к практическим занятиям. – Новополоцк: ПГУ, 2010. – 344 с.
3. Василевич Г.А. Конституция Республики Беларусь (науч.-практ. Комментарий). – Минск: Право и экономика, 2000. – С. 153.
4. Козик А.Л., Томашевский К.Л., Волк Е.А. Международное и национальное трудовое право. – Минск: Амалфея, 2012. – С. 154–171.
5. Современные проблемы белорусского законодательства в условиях конституционных преобразований / под общ. ред. Г.А. Василевича, А.Ф. Вишневого, В.А. Кучинского, К.Л. Томашевского. – Минск: Амалфея, 2022. – 360 с.
6. Очерки по истории государства и права Белорусской ССР. – Вып. I. – Минск, 1958. – С. 213–216.
7. Канстытуцыя (Асноўны закон) Беларускае Сацыялістычнае Савецкае Рэспублікі. – Менск: Выданьне Цэнтральнага Выканаўчага Камітэту Б.С.С.Р. – 1927.
8. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. – Минск: БЕЛПАРТИЗДАТ ЦК КП(б)Б, 1937. – 32 с.
9. Канстытуцыя (Асноўны Закон) Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі : прынята на нечарговай дзевятай сесіі Вярхоўнага Савета БССР дзевятага склікання 14 красавіка 1978 года. – Мінск: Беларусь, 1978. – 61 с.
10. Томашевский К.Л. Источники трудового права государств-членов Евразийского экономического союза (проблемы теории и практики). – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2017. – С. 138.
11. Пашков А.С., Хрусталев Б.Ф. Обязанность трудиться по советскому праву. – М.: Юрид. лит., 1970. – С. 8.
12. Конституционное правосудие: учеб. пособ. / Г.А. Василевич и др.; под ред. Г.А. Василевича. – Минск: Выш. шк., 2019. – 367 с.
13. Общая теория права / под ред. В.К. Бабаева. – Н-Новгород, 1993. – 544 с.
14. Общая теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. – М., 1998. – Т. 2. – 639 с.
15. Малько А.В. Теория государства и права: учеб. – М.: Юристъ, 2001. – 304 с.
16. Щербик Д. В. Принципы права и преемственность в праве // Вестн. Полоцкого гос. у-та, Сер. D. Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 13. – С. 113–117.
17. Макнавелли Н. Государь; пер. с ит. М. Юсима. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. – 448 с.
18. Пугачёв А.Н. Истоки и первопричины европейского конституционализма. – Витебск: ВГУ им. П. М. Машерова, 2017. – 318 с.
19. Василевич Г.А. Конституционное право Республики Беларусь: учеб. для юрид. вузов. – Минск: Книжный дом: Интерпрес-сервис, 2003. – 832 с.
20. Скобелкин В.Н. Обеспечение трудовых прав в СССР. – М.: Юрид. лит., 1987. – С. 5.

Поступила 09.03.2022

**REFERENCE OF CITIZENS TO THE MEDICAL AND LABOR
PROPHYLACTORY ON THE WAY OF REALIZING CONSTITUTIONAL VALUES:
EFFECTIVE PREVENTION OR IMPROPER PRACTICE?**

S. ALESKA

(Belarusian State University, Minsk)

It is indicated that, from the point of view of the author, there are problematic issues in legal practice in civil cases regarding the direction of citizens to a medical and labor dispensary. Based on the provisions of the Constitution and other normative legal acts of the Republic of Belarus, the leading positions of the legal doctrine, judgments are derived that prove the fallacy of the general direction of national judicial practice in cases of the category under study and substantiate the need for its further improvement. A conclusion is made about the unconstitutionality of the provisions of the previous legislation as a result of their actual obstacles to the realization of the rights and freedoms of the individual as the highest constitutional values. The special role of the Constitutional Court of the Republic of Belarus in the protection and defense of the latter is emphasized. Problems are found and their consequences are given, caused by misinterpretation and application of legal norms, legal conflicts and incompleteness of legal regulation. Amendments to the legislation, correction of law enforcement practice in cases under consideration are proposed.

Keywords: *prevention; medical and labor dispensary; constitution; rights and freedoms; constitutional values; body of constitutional control; court.*